

Вот и все. Утихли разговоры,
Поднялся вороний шум и гам.
Осени горящие соборы
Медленно обрушились к ногам.

Пустота. Обугленные ветви.
Где качался колокольный сад —
Грубые холсты сырого света
На веревках будничных висят.

Но взялись неведомо откуда —
Ведь никто вчера не видел их —
Липы

в истончившихся, но чудом
Уцелевших нимбах золотых.

Я устала, устала, устала,
Как гнедая вода под мостами
И как потная площадь Восстанья,
Что под именем гнется чужим,
Я устала мотаться как ветка
Серой улицей полусоветской —
Ветра скоропись, жирный нажим.
Я устала, устала от бега,
Точно всадник на фоне Казбека —
На кулак намотав удила —
За спиной шелестящая стая
Дней, убитых впустую, — устала,
Говоришь, до утра не спала? —
Нет, не так — проспала, не успела,
Не поверила, не пожалела,

Не спасла, не смогла, не стерпела,
Недослушала, недодала.
Я устала, остыла, разбита,
Все достало, и в сердце — копыта —
Та-та-та, та-та-та, та-та-та.
Приложи к нему ухо — забило
На дорогу оно, позабыло
И откуда летит —
и куда.

Неба облупившаяся фреска,
Пятна туч, остатки синевы.
Бог наводит Петербург на резкость,
Смотрит на меня из-за Невы.

И в душе, просвеченной лучами
Легких улиц, — замирает крик,
Все ее веселье и отчаянье —
На ладони — стеклышком горит.

Желтых листьев — любишь, любишь, любишь? —
Быстрое дыханье горячо.
Тополя стоят в обрывках рубищ.
Если любишь — погулай еще.

Ты включаешь меня, нажимая на пуск,
Дважды в день,
Трижды в день — а без этого пуст
Циферблат и обветрено время,
Как забытое в блюде варенье.
Ты включаешь меня, раздается щелчок,
Запускается страсти недолгий волчок,
А потом он хватает меня за бочок
И уносит в лесок, под коренья.
Ты включаешь меня — зеленеет трава,
Просыпается снег, оживает трамвай —
Ну, скажи мне, что я не права, не мертва,
Накричи, возрази мне, давай!
Докажи мне, что мы по холодным дворам
Не сухою листвою кружим — пара-рам,
Пара-рам, не дождем меж разошедшихся рам,
Не теньями на плоском экране,
И что можешь прижаться к раскрытым губам
Не диджеем, врубающим звук — пара-рам, —
Простачком-подорожником — к ране.

Что однажды вот так, не давая зарок,
Невзначай не нажмешь

не на пуск — на курок —

И увидишь — пока не остыну —
Исчезают пустые мосты, острова,
Черной кошкой потягивается Нева,
Изгибая блестящую спину.

Жизнь еще поболит и пройдет.
За молочные реки метели,
За кисельные дни и за мед
Вечеров — даже если б хотели —

Не расплатимся мы. За долги
Все, что видишь, сметут подчистую —
И морщинку щемящей реки,
И тропинку, и бочку пустую.

Ни морозной резьбы, ни судьбы,
Только взгляд, сохранивший навечно
Разомлевшее тело избы,
Снежных елок оплывшие свечи.

Снег только что искрился и белел —
И вдруг погас — наверно, заболел.
Весь потемнел, осунулся и бредит,
И март ему, как морфий, вреден.
Не уходи, не исчезай, не тай,
Растаешь — недалеко и до стай,
Крикливых, заводных, победных.
Где хоровод твоих снежинок бледных,
Детдомовских, как будто их отцы —
Враги народа, тени, мертвецы?
Где красные бригады дед-морозов,
Где новогодний чес среди торосов,
Шампанское, петарды, фейерверк?
Признанья не подписывай, не верь,
Не умирай и не черней краями,
Не иссякай, не становись ручьями.
Пока лежишь ночами на крыльце —
И время не меняется в лице,
По комнате лунатиком не бродит —
И не тоскует, и не смотрит вроде
В окно, где отпечаталась река
И поезда бегущая строка.

Не безумная я и не гордая,
Просто пялюсь ночами во тьму.
Я приклеена к этому городу —
Полинявшею маркой к письму.

Видишь, вот оно — вестником радости —
Или горя — по тихой реке,
В пожелтевшем конверте без адреса
Проплывает — и я в уголке.

Снег завесил занавеской тюлевой
Кухонное тусклое окно.
На земле моей, покрытой тюрьмами,
Погляди, по-прежнему темно.

В облаках дымится месяц узенький,
Куст топорщит пухлые бока.
А давай-ка за невинных узников
Мы поднимем к полночи бокал —

Поглядим на стол, на ель колючую,
Выпьем — ты кивнешь, и я кивну,
Хрупкое свое благополучие
Ощувтив внезапно, как вину.

Как я люблю вас, современники,
Чьи косточки еще не ломаны,
Не знающие бед, ремейками
Злодейств — не согнанные толпами

В подвалы. Мальчики и девочки,
Люблю вас, Петеньки и Катеньки,
Еще не ссыпанные — мелочью
Из волосатых лап — на каторги.

Как я люблю вас, современники,
В тенечке ждущие под соснами,
Когда из вас навяжут веники,
Когда засыпят вас доносами,

Напишут «ВРАГ» большими буквами,
Везя дорогами разбитыми

Туда, где вы, почти не пуганы
И, в сущности, почти не пытаны,

Пред окровавленную стенкою
Погасите улыбки-лучики.
Как я люблю вас, современники,
Мои случайные попутчики!

Что бы ни делали сыновья наши,
Что б они на сердце ни вынашивали —
В сотый раз ли спасать отечество,
Напиваться, коль делать нечего,
Торговать, воевать, учиться ли,
Ночевать ли в степи, в полиции,
Голубой пиджак или клетчатый
Надевать, врачевать, калечить ли,
Петь ли, плакать ли, жить ли счастливо
Или горестно, возвращаться ли,
Уезжать ли — дорожка скатертью, —
Все равно виноваты матери.

Где бредет одноглазое лихо,
И звучит окаянная речь,
Дай пройти невредимую, тихой
Эвридикою, речкой протечь.

Незаконнорожденное слово
С сонных губ улетит воробьем.
Мне бы теплого хлеба ржаного,
И огня, и дождя за окном,

Засидеться б на кухне попозже.
В гулком сердце безумной страны
Не оставь меня, грешную, Боже,
На руках пронеси, сохрани.

Вот и поймало тебя зеркало сна
Там, где ни мышь не проскочит, ни голубь сизый,
Там, где живому глазу — хана, стена,
В золотых небесах, на холме Ассизи.

Паутинка балкона и арка
Над парадной — ладонь козырька,
Бледный месяц приклеился — маркой —
Сквозь бумажные облака.

Ветка тополя, кромка резная
Первых листьев, похожих на сон,
Ничего мы с тобою не знаем:
Заклучен в ожиданье своем,

Человек циферблату подобен
С заклинанием — замри-отомри,
С сердцем, сжатым в холодной ладони,
С опоздавшим тик-такком внутри.

Не говори, не говори мне,
Куда бежать, кого беречь:
Как будто выход аварийный —
Косая сбивчивая речь —

Из слез, из времени, из тела,
Из обретений и потерь:
Как только зазвучала тема —
Как будто приоткрылась дверь —

В траву, в ряды зеленых лезвий,
Из комнатухи угловой,
И облако в нее пролезло
Всклоченною головой.

На поле светятся люпины,
В груди колотится движок,
И мы — любимы, нелюбимы, —
Слова-то могут быть любимы, —
Все дело в музыке, дружок.

Слава Богу, зима. Ненадолго,
Понарошку, но все же зима.
И капель на минуточку смолкла,
И как будто бы честь спасена —

Будто мы за невинных вступились,
Будто узникам мы помогли,
И за это прикрито — как милость —
Непотребство бесснежной земли —

Тонкой марлей, всего-то на палец,
Но и та на пожухлой листве
Тает — видно, мы сразу попались
На нехитром своем воровстве.

Мы скоро уйдем — вы запомните нас, вы запомните,
Холодную водкою рюмки наполните потные
И нас помяните — простите нам, что мы наделали —
Как будто не люди шептали нам в уши, а демоны,
Как будто не видели мы отражение облака
В распухшей весенней реке, и бегущие столбики
Железной дороги, и низкое небо ненастное,
И двух рыбаков в капюшонах, стоящих у насыпи,
Афганца безногого в синем берете и кителе
С чужого плеча в электричке — как будто не видели,
И баб у дороги с черничными ведрами полными,
И пыль, и как жить и что делать, как будто не поняли,
Как будто блуждали, неведомой мухой ужалены,
В трех соснах, не видя дороги с горящими далями.
Могли бы мы быть — миротворцы, искатели истины...
Проспорили жизнь, проболтали, простите, простите нас!